

Начало правления

ПО КАЛЕНДАРЮ:

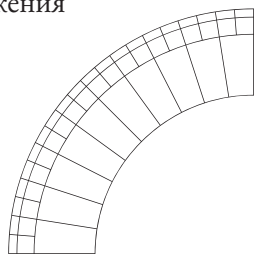
15 мая 1730 года, убывающая весна, цветочная луна.

Монотонное пение переходит в приглушенное бормотание, да и то бормочут лишь те, кто стоит позади. Многие вообще поют не по-английски, будто добрый христианин способен разобрать их языческие заклинания! Ясно, что все это какой-то языческий обряд, если не что похуже, но он старается не думать об этом несоответствии, особенно теперь, когда будущее определено.

Все было бы иначе, коронуйся он в Англии, в стране, где остались его корни; там он понял бы все до последнего слова. И гораздо лучше бы подготовился. Ну что ж, готов или нет, тем не менее он победил, и это его корона. Он всегда знал, что когда-нибудь станет королем. Только не знал каким.

Он идет к возведенному служителями помосту, где состоится коронация, и некоторые в толпе пьются на него. Пьются, потому что не одобряют, ему об этом известно; они полагают здешние сезоны своими, считают, что Зима и Лето могут быть связаны только с ними, а не с выскочкой-поселенцем вроде него.

Как будто лето и зима не сменяют друг друга на всем белом свете. Как будто так странно, что человек его положения и происхождения посвящен в таинства.

III. МАКГВАЙР. СЕЗОННЫЕ СТРАХИ

Что ж, они еще увидят. Господь предназначил этот край Англии и населяющим ее народам, империя будет вечно процветать даже на этих далеких берегах. И он горд тем, что представляет корону и свою страну в новом краю, что с помощью столь знакомого ритуала еще теснее свяжет его с империей. Нельзя сказать, что в жизни ему сильно везло, но он всегда знал о сезонных обрядах и о том, к чему они неизбежно приведут. Когда он почувствовал, как кровь в жилах обратилась в лед и стужа откликнулась на его зов, то сразу все понял, еще до того, как тот ирландский парнишка, которого пришлось поучить манерам, явился за ним, чтобы сопроводить в испытаниях. Ничего поразительного в этом не было.

Поражало разве только то, что здешние жители, и туземцы, и колонисты, похоже, тоже весьма неплохо осведомлены о сезонных обрядах. Они затаили подходящие случаю песнопения, едва он расправился с последней претенденткой; жестокость, с которой он с нею покончил, изумила не только наблюдателей, но, кажется, и ее саму. Вероятно, раньше восхождения здесь обходились без подобной кровожадности, и проигравшие легко смирились с судьбой. Он последним из претендентов на Зиму вошел в лабиринт, а она не желала уступить корону, и потому он свершил что должно.

Что ж, кто ищет гибели, тот всегда ее находит. Он же гибнуть не намерен. Он Зимний король, избранный, обогранный кровью, предопределенный. Он будет жить вечно, вознесшийся, сияющий, явленный, и те, кто осмелится бросить ему вызов, падут, сгинут, словно тени на снегу.

К помосту подводят женщину, которая, как и он сам, преодолела все испытания. Довольно милостивая, коренастая. Кожа чистая, без оспин, волосы темные, лицо красноватое — вряд ли она из состоятельной семьи, но держится величаво, вполне подойдет на роль его королевы. И если уж о чем и остается жалеть, раз здесь все проходит в точности как дома, так это о том, что сам он в этом деле ничего не решает. Ког-

да началось состязание, все, кто находился достаточно близко, способен был примерить корону и не желал погибнуть, явились участвовать; сильнейший получает все. По крайней мере, это женщина. Не придется коротать вечность в одиночестве.

И тут он замечает выражение ее лица. Подходя ближе, она смотрит на него так, как смотрят на змею, на грязное пятно на подоле; верхняя губа вздернута, лицо преисполнено отвращения.

— Приветствую, — говорит он, надеясь, что просто неверно истолковал ее мину. — Сколь отраднo видеть, что моя Летняя королева еще и прекрасна.

— Мы не должны были здесь оказаться, — огрызается она. Служители помогают ей взойти на помост. Интересно, как называли их туземцы, покуда не явились поселенцы и не научили местных правильным названиям.

— Разумеется, должны были. Мы победили.

— Ты победил жестокостью и силой.

Расправив плечи, она награждает его презрительным взглядом; лунный свет, играющий на ее волосах, напоминает ему, что ее сезон нынче нарастает, а его — убывает. Если бы ему было дозволено выбирать корону, он забрал бы летнюю сладость себе, а этой... этой ведьме оставил бы бесплодную зиму, которая ей столь к лицу. Но они не выбирают. Они словно погода — их влечет по воле ветра, покуда они не поднимутся и не войдут в силу, чтобы выбирать за своих. Но никогда за себя.

Нет. За него всегда будет выбирать Годовой круговорот, но он сможет выбирать за других. Сможет требовать с них плату за то, во что они ему обошлись.

— Как и ты сама, — парирует он. — Чтобы предъявить права на корону, мы должны сражаться.

— Нет, — в ее голосе звучит удивление. — Сражаться не обязательно. Нас не так просто сместить с трона. Ты дрался так, как эти люди не дерутся, а потому они не были готовы

III. МАКГВАЙР. СЕЗОННЫЕ СТРАХИ

к противостоянию с тобой. И когда претенденты на Лето увидели, с чем им придется встать рядом, если их изберут, они отказались от притязаний и уступили дорогу мне. Это не наша земля. Это не наша страна. Эти короны не должны принадлежать нам.

— Но будут нам принадлежать.

— Будут, потому что из-за тебя не осталось никого, кто смог бы удержать Зиму, — рычит она совершенно по-звериному, и тут он понимает, что кожа у нее красноватая вовсе не потому, что она разгневана. Сражаясь за место, принадлежащее ему по праву, он расправился не со всеми дикарями. Одна дикарка стоит рядом с ним, и с нею он связан навечно. — Ты явишь свой сезон, а я явлю мой, потому что никто не желает быть с тобой рядом. Они знают, что кто-то должен вместить Лето, но никто не готов ради этого встать подле убийцы.

— А ты готова.

— Я сделаю то, что должна, ради Лета и буду терпеть твоё общество столько, сколько того потребует наша судьба, — она чуть приосанивается, в ее взгляде по-прежнему злоба. — Недолго тебе править.

Уильям вспоминает алхимика, который обратился к нему в начале коронации и посулил победу и безраздельную власть, если только Уильям, направляя Зиму, как надлежит ему по праву рождения, не позабудет в своих трудах недавно созданный Американский алхимический конгресс. Тогда он отказался, но, кажется, ситуация изменилась.

Он будет править вечно.

Побег

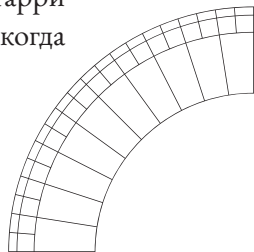
ПО КАЛЕНДАРЮ:

9 октября 2005 года, осень, охотничья луна. 275 лет спустя.

Мелани снова нездоровится. Мама говорит, все потому, что у Мелани что-то с сердцем, но Гарри не понимает, как так. У бабушки было что-то с сердцем, она пошла к доктору, ей дали такую специальную машинку, которая называется стимулятор, и все стало хорошо. Теперь бабушка в порядке, пусть она больше и не бегает вместе с ним в парке, когда Гарри приезжает погостить. Но взрослые обычно бегать и не любят. Значит, если у Мелани что-то с сердцем, надо просто пойти в больницу, чтобы ей дали стимулятор, и с ней снова все будет в порядке.

А Мелани и так проводит в больнице гораздо больше времени, чем все остальные. Насколько Гарри знает, она там почти каждую неделю. Иногда ей приходится там торчать и в выходные, и домой не пускают, и она даже не может с ним говорить по телефону. Ему это не нравится.

В прошлом году Мелани пропустила две недели в детском саду, он ходил к ней домой, но дома ее тоже не было. Иногда там был ее папа и его чудные друзья. Все взрослые чуток чудные. Мелани говорит, к ним чудное липнет, как наклейки. У Гарри есть такой камушек, он на него клеит классные наклейки, когда

удаётся их раздобыть, и родители разрешают, ведь тогда он их не клеит в других местах.

— Практично, — говорит мама.

— Удобно, — говорит папа.

Так что камушек они не трогают. Теперь он уже в три раза больше, чем когда Гарри его нашёл, а все из-за наклеек. Если чудное липнет, как наклейки, тогда понятно, почему взрослые чуднее детей.

Дети чудные по-своему. Гарри это знает. Каждый человек чудной по-своему, и это здорово, потому что если бы не все были чудными, то Гарри сам стал бы главным чудяком — ему трудно представить мир, где бы он им не был. Во-первых, у него в семье все богатые. Он сам тут ни при чём, но все равно выходит, что иногда ему не надо думать о том, о чем другим детям приходится думать постоянно; скажем, раз Гарри спросил, почему Карен Нельсон бесплатно дают молоко в столовой, а ему нужно приносить из дома четвертаки, если вдруг захочется такую же гладкую коробочку. А во-вторых, его бабушка и дедушка живут в Висконсине в замке, самом что ни на есть настоящем, его сначала построили на другом берегу океана, а потом по кусочкам перевезли в Америку и снова собрали, как будто домик из лего.

Гарри обожает гостить у бабушки с дедушкой в их домике из лего, хотя папа говорит, что это не дом, а страхолюдина, и денег на него уходит куча, а лучше бы их отложить на какой-нибудь колледж, если Гарри вдруг захочется ещё поучиться после школы. Вряд ли ему захочется, да и у домика из лего есть собственное название — никакая он не страхолюдина. Называется он «Вид-на-замок», и название Гарри очень нравится, хотя оно и странное — ведь дом и есть замок, других замков из него не видно, разве что если встанешь во дворе и голову задерешь так, что шея заболит. Название будто из волшебной сказки, из страны Под-и-Над, а в волшебных сказ-

ках никто никогда не пропускает уроки, потому что у него что-то с сердцем.

В волшебных сказках тебя могут превратить в камень, можно упасть в дыру и угодить в другой мир, женщина из дыма может коснуться твоей груди, обратить сердце в уголек и украсть его, не успеешь и глазом моргнуть, но там никому не дают стимуляторы, и никому не приходится все время торчать дома, и никто не пугает друзей так, как Мелани пугает его.

Еще и из-за этого Гарри чудной: у него есть лучший друг, Мелани, и ему плевать, что все девчонки вшивые; если Мелани вшивая, то и ему вшей подавай. Пусть ползают по нему, как муравьи на пикнике. Когда-нибудь, когда они оба подрастут, Гарри на ней женится. Может, лет в двенадцать. В двенадцать ты уже, наверно, совсем взрослый и можешь жениться.

Только ничего не получится, если она больше не выйдет на улицу.

У Гарри богатая семья, ему семь лет, и иногда эти два обстоятельства приводят к тому, о чем никто не удосужился подумать.

— Мальчику нужен велосипед, — сказал папа и купил ему самый лучший горный велосипед, какой только нашелся в магазине, идеально подходящий для семилетнего мальчугана, который любит долгие поездки по горам, по долам, хотя Гарри никогда ни к чему такому интереса не выказывал.

«Его лучшая подружка болеет, а до ее дома ехать целую милю, если Гарри захочет ее повидать, то попросит отвезти, а мы ему скажем, что ей нужно отдохнуть», — подумала мама, и так бы все и вышло, если бы Гарри ходил пешком, но ведь он теперь не пешком.

У него есть превосходный велосипед.

Если прохожий вдруг заметит на засаженной деревьями улице на окраинах Портленда маленького мальчика на велосипеде, он и слова не скажет. Маленькие мальчики всегда катаются на велосипедах, у маленьких мальчиков всегда есть друзья,

Ш. МАКГВАЙР. СЕЗОННЫЕ СТРАХИ

и даже если этого конкретного маленького мальчика прохожий не узнал, вероятно, это друг кого-то из местных детей. Конечно, родители не упустят из виду собственного ребенка и не разрешат ему одному развезжать по городу. Конечно, волноваться тут не о чем.

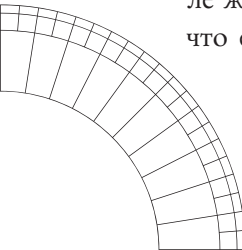
И вот, пользуясь тем, что волноваться не о чем, Гарри доезжает до самого дома Мелани, возле которого на подъездной дорожке припаркован автомобиль ее отца. Гарри останавливается у соседнего дома. Он не уверен, нравится ли ему доктор Косгроув.

Во-первых, он от всех требует, чтоб его называли доктором, а белого халата, как у докторов по телевизору или у тех, которые помогали бабушке со стимулятором, у него нет. Он обычно носит костюм с галстуком, и вид у него такой, будто он с радостью удавил бы крольчонка голыми руками. Лицо у доктора Косгроува меняется, только когда он смотрит на Мелани, но и тогда его выражение Гарри не нравится.

Доктор Косгроув смотрит на дочь так, как папа самого Гарри смотрел на велосипед, когда они его притащили из магазина. Гордо и так... по-хозяйски, словно он его не купил, а сам сделал. Когда Гарри впервые услышит слово «собственник», ему на ум тут же придет отец Мелани, а почему — он и сам объяснить не сможет.

Гарри знает, что доктор Косгроув очень любит дочь, а Мелани очень любит папу. Но что-то в этом есть неправильное, хотя Гарри не может это что-то описать или объяснить, как бы ни старался. Это нечестно, но так оно и есть, и Гарри знает: если позвонить в дверь, доктор Косгроув его не пустит.

Вообще-то Гарри хороший мальчик, не разбалованный родительским богатством. Но иногда он ведет себя неосторожно, ведь ему кажется, что все на свете можно заменить. Может, именно поэтому Гарри просто бросает велосипед возле живой изгороди, а сам идет дальше пешком, убеждая себя, что если доктор Косгроув выглянет в окно и увидит его, то

примет за какого-нибудь другого белобрысого мальчика, вышедшего на прогулку. Гарри — умный ребенок и понимает, что ему не положено забираться так далеко от дома без взрослых. Но ему плевать.

Обогнув дом, Гарри бросает делать вид, будто беззаботно прогуливается, и бежит напрямик во двор к большому дубу, растущему под окном у Мелани. По этому дубу так здорово лазать, ветки у него широкие и изогнутые; на глазах у Гарри Мелани сто раз на него залезала, когда ее папа сидел в доме и не говорил ей, что она слишком хрупкая и не может лазать.

Гарри считает, что Мелани никакая не хрупкая. Она сильнее всех, и намного сильнее, чем может вообразить ее отец, и Гарри бы очень хотел ей это втолковать. Может, потом, когда они вырастут и поженятся. Когда им стукнет двенадцать.

Ухватившись за самую высокую ветку, какую только удастся достать, Гарри подтягивается; ему невдомек, что окно, мимо которого придется лезть, — это окно кабинета доктора Косгроува и что отец Мелани сейчас там, разговаривает по телефону. Но вот Гарри слышит из едва приоткрытого окна мужской голос. И замирает, замороженный этим взрослым голосом, словно змея дудочкой. Гарри знает, что не должен сейчас здесь быть. Он не в силах сдвинуться с места.

— Разумеется, я буду сообщать вам о том, как у нее продвигаются дела. Вы же знаете, как я благодарен за все, что вы для меня сделали. Если бы у меня не было доступа к исследованиям Асфодель... Да, сэр, — повисает жуткая долгая пауза. — Да, сэр. Я знаю, какое огромное доверие вы мне оказали, когда разрешили попробовать, и думаю, что заплатил достаточно, чтобы доказать свою преданность. Пожалуйста, позвольте мне продолжить работу. Уже совсем скоро мы узнаем, смогут ли они обе достичь зрелости, или одну следует отбраковать, чтобы восстановить другую.

Снова пауза, на этот раз короче, потом доктор Косгроув заливается громким хохотом. Не похоже, чтоб он услышал

что-то смешное. Так смеются, столкнувшись с чем-то очень страшным, так смеялся Гарри, когда студентка-нянечка включила фильм, где мужчина в маске убивал других людей, там было столько крови, повсюду, будто в кошмарном сне, это было жутко, мрачно, нечестно. Именно так доктор Косгроув сейчас и смеется.

Гарри не в силах сдвинуться с места. Он в жизни не слышал, чтобы взрослый издавал такие ужасные звуки. Даже когда его папе позвонили из больницы и сказали, что бабушке нужен стимулятор, и папа заплакал и все плакал и плакал.

— Да, ваши ушли дальше, — наконец говорит доктор Косгроув. — Намного дальше, и их создали для того, что раньше никому не удавалось заполучить. Мои больше похожи на насекомоядные растения. Мелани, кажется, уже привлекает сезон, которому была предназначена, но трудно сказать наверняка, пока к нам на порог не явится Ледяной Джек и на горизонте не замаячит коронация. Не думаю, что есть хоть малейший шанс... Нет, вряд ли. Жаль. Он уже давно перестал приносить пользу, хотя я понимаю, почему вы не желаете состязания.

Голос доктора Косгроува становится тише, удаляется от окна. Гарри не двигается с места, но вот он слышит щелчок — это закрылась дверь кабинета, — и лед, сковавший руки и ноги, рассыпается на осколки. Гарри лезет дальше, на этот раз быстрее, ему не так страшно упасть, как не успеть в комнату Мелани раньше доктора Косгроува.

Если бы Гарри и Мелани жили ближе к друг другу, это мог бы быть первый, но далеко не последний раз, когда он вот так вот влезает к ней в окно, первый, но далеко не последний раз, когда он забирается к спящей подруге в комнату. Но они живут далеко, и все сложится иначе: после этого случая Гарри Марч никогда больше не влезет в это окно. Добравшись до рамы, он аккуратно пробует ее: слава богу, не заперто и к тому же легко открывается, он тянет раму вверх, и она сразу поддается.

